

ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВА

Забытые письма

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №

ШОРТ-ЛИСТ

ЛитРес:

Валентина Степанова

Забытые письма

«Автор»

2022

Степанова В. А.

Забывтые письма / В. А. Степанова — «Автор», 2022

Ольга Андреева – успешная молодая девушка, у которой в один день всё изменилось в жизни. Эти события совпали с письмом от неизвестного Максима Ремизова с просьбой помочь найти информацию о далеком прошлом бабушки Ольги. Она начинает собственные расследования. Семейные архивы рассказывают ей о жизни советских людей в далекие военные и послевоенные годы XX века.

© Степанова В. А., 2022

© Автор, 2022

Валентина Степанова

Забывшие письма

Любое совпадение настоящего повествования с реальными людьми или событиями имеют случайный характер.

Моему отцу посвящается

Глава I. ЭТО ТЯЖЕЛОЕ УТРО

Кто бы что ни говорил, а бежать в июне утром на работу – одно удовольствие! Листва на деревьях свежая, пыли еще мало. Туфли приятно видеть на неизмученных жарой ногах. Кто позаботился весной о фигуре – костюмчик сидит ладненько и не сковывает движений. И солнце сегодня приятное. Подумав об этом всем понемножку и улыбнувшись, Оля нырнула в переход московского метро.

«И людей немного, разъехались», – в тему продолжала она создавать себе «правильное» настроение перед работой. Добровольно постояв у дверей с надписью:

«Не прислоняться» (чтобы не испортить внешний вид), проверив почту, просмотрев форумы социальных сетей, она вышла на станции метро «Деловой центр», мельком улыбувшись своему отражению в стекле двери.

Ольга поднялась на свой девятнадцатый этаж, приложила пропуск на считывающее устройство двери офиса и, не услышав знакомого шелчка, приложила его еще раз. Дверь в офис не хотела открываться.

– Здравствуйте, Ольга! – услышала она за своей спиной голос. Смущенно улыбалась недавно принятая специалистом девочка из hr-отдела, Наташа, кажется...

– Давайте я Вам открою! И, пожалуйста, Вам надо подписать некоторые бумаги.

– Она открыла дверь своей карточкой, пропуская Олю вперед и указывая на перегородку из матового стекла, где расположились три стола отдела по работе с персоналом. Не переставая удивляться, и с дрогнувшим от волнения сердцем Оля прошла за ней и присела на стул возле Наташиного стола. Она частенько здесь сидела, подписывая стопки бумаг, если не хотелось нести их к себе на другой конец зала. Из лежавшей сверху папки верхнего ящика стола Наташа достала приказ, из которого следовало, что с сегодняшнего дня Оля уволена из компании с выходным пособием, равным пяти среднемесячным окладам за последний год работы. Первое, что хотелось сделать, – это сказать всё, что лезло само на язык! И что «и подписывать не буду, увольняйте по трудовому законодательству!» Но, слава Богу, сработало правило, которое давно, еще с юности, лежало в кармане: «Держи паузу! Чем она длиннее, тем лучше...» Совершенно не слыша, что лепетала Наташа, Оля решила, что уволят её всё равно, раз решили. По трудовому договору денег будет меньше, а на работу придётся таскаться еще два месяца. Надо будет пережить эту атмосферу, которую легче назвать «вакуумом» (и это очень тяжело). Народ будет обходить стороной как будто заразную, чтобы не вылететь следующим.

Оля расписалась в приказе размашисто, как на документах, стопы которых она подписывала здесь сотнями. Встала и посмотрела на Наташу, которая дрожавшими пальцами убирала приказ в папку. Потом Наташа подала ей открытый конверт, в котором лежала трудовая книжка и четыре справки 2-НДФЛ за последние годы работы.

Вот и всё!

«Ну как назвать людей, у которых не нашлось смелости даже самим отдать мне на подпись приказ об увольнении?! Девчонку подставили! В пятницу после работы отмечали «д.р.» у Игоря-автоматизатора: все были! Хотя бы намекнул или шепнул кто-то из руководства! Я не последний человек в компании. Трусые!» – думала Оля, проходя между столов и стеклянных перегородок к своему (?) рабочему месту.

То, что она увидела, её не удивило. Компьютер забрали со стола (когда успели?), подставка для бумаг – пустая, рабочий шкаф опечатан.

«И не дали объяснений, ни «спасибо тебе»... Ну это как вообще?» – не могла успокоиться Оля.

Она взяла коробку из-под бумаги и стала складывать туда личные вещи (их накопилось за четыре года работы много).

«Да, еще не забыть подняться на кухню и забрать чашку, которую дарила мама, с изображением девушки, «Весна», по репродукциям Альфонса Мухи.»

Оля поднялась по винтовой лестнице на балкон, где находилась кухня. Кое-кто недолго проводил ее взглядом: куда с утра в понедельник направилась? В правилах компании этого не было.

«Народ еще не знает, пошепчутся в обед.»

Вот и всё! День первый – день последний! Прихватив пару брошенных пакетов на кухне и спрятав туда кружку, Оля спустилась вниз.

«Прощаться ни с кем не буду, – подумала она. – Кому надо, – есть мобильный телефон. Успеют высказать соболезнования. Пусть голова придет в порядок, и будет понятно, какую линию во взаимоотношениях выстраивать с бывшими сотрудниками вне стен работы.»

Задвинув нижний ящик стола и урну с «ненужными остатками жизнедеятельности этого периода», Оля решительно встала. Окинула последний раз глазами зал, словно хотела сфотографировать его на память.

«Вот так! Уходишь из компании, где провела четыре года своей молодой жизни, и ни тебе друзей здесь, ни подруг, – одна работа по десять-двенадцать часов каждый рабочий день. Три «ля-ля» в обеды с девочками из других отделов. Три-пять скучных посиделок в год вечером в кафе со случайными попутчиками с работы. Новогодние корпоративы в помпезных ресторанах с мелкими «открытиями» сезона и дни рождения по пятницам... Цену этим мероприятиям теперь тоже можно назначить!»

Оля прошла вдоль последнего ряда: дорога в места общего пользования. Зашла в женский туалет, поправила макияж, и с пустотой в душе вышла из офиса, запрещая себе думать на эту тему. Задавать вопросы «почему?», «за что?» и «что делать?» она себе тоже пока запретила.

На улице стояло раннее лето, но оно было совершенно иным, нежели утром. Люди не спешили. Магазины открылись. Гуляющие тут и там пешеходы отличались светлыми лицами: туристы. В вагоне метро два-три свободных места. Не заботясь о костюме, Оля села, поставив в ноги два набитых целлофановых пакета. Пыталась наметить план действий, но ни одна мысль не задерживалась в ее голове. Ее близкая к центру окраина встретила все той же неспешностью, разве только приезжих было больше, так как рядом находился автовокзал.

Дома еще пахло ее утренним присутствием, и было не жарко и спокойно. Бросив сумки у двери, она решила, что не дождутся враги ее уныния! Ванна, любимые широкие домашние штаны и широкая футболка, волосы в пучок, вазочка с «вкусняшками» (сегодня можно всё!), и она открыла компьютер, лежа на кровати. Как хорошо, что когда весной она решила разорвать свои отношения с Олегом, то чтобы занять выходной день, навела порядок и разбила электронную информацию по годам. Найдя папку «2015», Ольга открыла старое резюме и задумалась:

«Переделать надо всё! И вообще чем бы я теперь хотела заниматься?»

Из всех своих опытов работы возвращаться не хотелось ни к одному из них. Оля нарисовала две графы: «хочу» – в одну сторону, а предполагаемые компании – в другую. Получилась, в общем, занятая картина. Область, связанная со средствами информации или модой, а место работы – отдел по работе с персоналом (ха-ха!) или связями с общественностью (ммм...). Рискнуть можно (пять окладов грели душу, но... это отдельная тема). Набросав новые акценты в старое резюме, погрев самолюбие (с учетом обстоятельств сегодняшнего утра), перечнем полученных образований (в том числе за границей) и навыков, через три часа все было готово.

«Надо сделать перерыв!» – сказала вслух Оля, озвучивая материальное. Она поднялась с постели и пошла на кухню. Приоткрыла дверь в комнату родителей: солнечно, убрано и ... пыльно. Уже полгода в Чехии, уехали к старшей дочери помогать ухаживать за внуком.

«Надо бы убраться, и не перед их приездом, а теперь и времени много. Рассказывать им не буду вечером о своих событиях; зачем волновать, не сегодня уж точно», – решила она, хотя знала, что молчание ей простят не сразу.

Зазвонил мобильный телефон (с работы), похожий на телефон из бухгалтерии.

– Слушаю Вас, – спокойным голосом спросила Оля.

– Здравствуйте, Ольга! Деньги в размере, указанном в подписанном Вами приказе, перечислены Вам на счет сегодня. Всего Вам самого доброго! – и шепотом: «Держитесь, дорогая! Пусть у Вас все будет просто отлично! Что поделаешь! Кризис!»

... Резюме улетело на сайты вакансий в открытый доступ. Всё! Начало положено! Теперь, как говорится, «Гуляй, Вася!!!»

«Хотя нет! Еще одно дело! Надо прикинуть свои «могу», – Оля открыла свой личный кабинет в онлайн-банке. Деньги красивой суммой покоились на счете. Она закрыла кредитную линию, отложила коммуналку на полгода, на непредвиденные обстоятельства в размере билета из Чехии (для родителей), и... что осталось? Осталось чуть больше размера «прожиточного минимума в месяц» на полгода. Не разбежишься, но это гарантированный запас! Вот теперь и «Вася, гуляй!»

Глава II. СВОБОДА, КОТОРУЮ НЕ ОЧЕНЬ ХОЧЕШЬ

Проснувшись утром следующего дня, как всегда рано, Оля вспомнила вчерашний день.

«Да, денек был еще тот!»

В свое время бабушка, Алевтина Георгиевна, показывала, как она рассчитывает числа (гадает): складываешь и пользуешься только «простыми числами», а каждое имеет свое значение. Плохими являлись «2» (удар), «5» и «8» (последние то ли смерть, то ли неприятности). Она даже умерла в тяжелое по расчетам время суток – 22 часа 22 минуты. Этот подход у нее часто был бессознательно подключен к различным событиям. Оля посмотрела на календарь и вчерашнее число: 03.06.2019. Разбор числа оставлял надежду на будущее:

«3» – что-то позитивное, «6» – «деньги», а год раскладывался как: « $2+1+9=12$ ($1+2=3$)» – это все-таки «уважение», кажется. В итоге общее число даты выглядело: « $3+6+3=12$ ($1+2=3$)» – опять получилось «уважение» – всё хорошо! Позитивный привет из прошлого успокоил и поднял Оле настроение!

«Можно полежать, подумать! Как давно такой возможности не было...»

Проснулись Viber – одиннадцать сообщений (девять из них – с работы) и WhatsApp – еще больше. В других мессенджерах было пусто.

«Сначала позавтракаю, а потом решу, что делать сегодня», – определила для себя Оля.

«Прочирикала» электронная почта. Там накопилось за ночь целых тридцать сообщений.

«Всё потом!» – громко сказала Оля и прошла мимо ванной прямо на кухню.

Кофеёк она по-настоящему сварила в турке! Подсушенный хлеб с половинкой авокадо и рыбкой – остатки красивой жизни!

«На «прожиточный минимум» не разбежишься. Ой! – вспомнила Оля. – Не заложила в затраты расходы на парикмахерскую и маникюр (на собеседования ходить надо в лучшем виде). Долой один месяц, значит. Денег на полгода не хватит.» Настроение опять упало. До слезы, как вчера вечером, не дошло, но захотелось отвлечься. Квартиру она вчера слегка прибрала, можно заняться...

«Ладно, в первую очередь займусь почтой. В конце концов, это теперь надо делать регулярно. Ждем предложений, ходим на собеседования и выбираем лучшее – мой девиз (ха-ха)! – громко заявила она сама себе, выдохнула и открыла электронную почту на компьютере. –

Так, что тут у нас?» Удалила двадцать семь спам-сообщений. Два письма были из кадровых агентств. В первом из них ищут того, кто заплатит агентству за поиск свободной вакансии.

«Интересный подход! Хотелось бы, чтобы платил работодатель, иначе какой в этом смысл? А вот эти, во втором письме, предлагают карьерное консультирование за полтора ежемесячного оклада с будущего места работы. Вопрос?»

Паники пока не было, отвечать Оля не стала, удалять эти предложения – тоже. Ну а третье письмо, похоже, от очередного интернет-афериста: «Пишет Вам Максим Ремизов...». Раньше бы Оля, не читая, удалила это письмо, а сейчас глаза побежали по диагонали текста. Письмо не выглядело традиционным: «Ищем наследника и, похоже, это Вы». Вернувшись в начало письма, Оля прочитала следующее:

«Добрый день, Ольга! Не спрашивайте, как я нашел Вашу почту, с такой весьма распространенной фамилией, как у Вас! Это было не просто. Полгода назад умерла моя бабушка, Лидия Петровна Артемьева. Я унаследовал ее квартиру в городе Петербурге. Разбирая бумаги, нашел стопку писем от Ремизова Ивана Михайловича, который, по моим предположениям, является Вашим дедушкой. Мой отец, Ремизов Владимир Иванович, был единственным сыном бабушки. Растила она его одна. Отца он своего не знал. У меня появилось предположение, что он – сын Ремизова Ивана Михайловича. К сожалению, отца уже нет в живых, и я могу только вспомнить короткие его рассказы о детских вопросах к матери. Она говорила ему, что отец был кадровым военным и погиб. Я очень бы хотел попросить Вашей помощи в этом вопросе. Может быть, Вы что-то слышали или знаете об этой истории? Хотелось бы заполнить белые пятна биографии моего отца. Прилагаю текст последнего письма Ремизова И.М. к моей бабушке. Надеюсь, что оно поможет убедить Вас ответить мне на это письмо. С уважением Максим Ремизов».

К тексту была прикреплена фотография старого письма, написанного перьевой ручкой фиолетовыми чернилами на пожелтевшем листе бумаги формата «А4»:

«Здравствуйте, Лидия Петровна!

Планировал ответить сразу, но не получилось. Очень много работы в связи со строительством у нас камвольного комбината.

Лида, Вы сейчас – образованный взрослый человек, симпатичная женщина. Уверен, что жизнь свою сумеете организовать и быть счастливой. Не могу не простить Вам всего того, о чем мне трудно вспоминать, значит, так нужно для жизни. Будьте здоровы и не горюйте на свою судьбу, всё будет хорошо. Дело к этому идет!

Во второй части письма, Лидия Петровна, мне хотелось бы поделиться с Вами, как протекает моя жизнь. У меня сейчас хорошая жена, мы любим и уважаем друг друга. У нас есть сын Саша, который связывает нас еще крепче. Работаем на фабрике. На охоту и рыбалку хожу редко, все больше сижу в гараже. Это коротко о своем житье-бытье, если интересно.

Знакомый Ваш, Иван Ремизов».

Да это, несомненно, было письмо от ее дедушки Ивана Михайловича неизвестной Лидии Петровне. Оля и раньше видела бумаги, написанные его рукой. Собственные мысли и неприятности последних двух дней отошли на задний план. Вспомнился очень старенький, совершенно слепой и седой её дедушка, с умными яркими голубыми глазами. Всеми уважаемый и любимый! Он сидел на «своем стуле» у окна за столом в кухне, часто с сигаретой, которую время от времени поддерживал рукой. Сигарета необязательно курилась, он мог просто держать ее во рту. На полочке рядом, повыше головы, стоял приемник «Спидола», на котором он настраивал себе станции по интересам. А интересы у него были разные: новости страны, классическая музыка, футбол или хоккей, бокс, чтение произведений литературы артистами и «голоса из-за рубежа». Если было настроение, то дедушка рассказывал истории из своего «царского периода» детства и годах жизни страны после революции 1917 года. Он был человек-история! Бабушка, Алевтина Георгиевна, была моложе его на двадцать два года. Называла

его «Ванечкой» и любила очень Олина мама родилась, когда ему было уже за пятьдесят. В год его смерти самой Оле было всего 5 лет. Память сохранила у нее совсем мало воспоминаний о нем. Как сидела она у бабушки на коленях, а он гладил ее по голове. Водила его за руку вокруг дома и по саду, вложив свою пухлую ладошку в его большую добрую руку. Когда он умер, то положила ему в гроб, который стоял на столе в большой комнате, своих двух маленьких игрушечных собачек. Позднее Оля нашла их в коробке за книжным шкафом – мама вынула и убрала. Память услужливо напоминала бабушкино лицо и различные моменты из раннего детства Оли. Одну фразу Ивана Михайловича она запомнила на всю жизнь, хотя в момент, когда он говорил, Оля даже не поняла ее в той глубине, в которой эти слова произносились:

«Да... были времена! Ни один уважающий себя нищий не мог себе позволить плюнуть на мостовую...». Время от времени, пробегая по улицам Москвы, эти слова уже в другом качестве мелькали в сознании Оли. Они несли в себе время, общество и мораль.

«Надо ехать в Стариково, – решила Оля. Старые бумаги и письма в семье не уничтожались. Они стопочками лежали в старой мебели в комнатах, мансарде, террасе и чердаке. – И надо ответить, конечно, неизвестному Максиму, носящему фамилию бабушки и моей мамы.»

Оля задумалась. Обнадеживать, что удастся помочь, не очень сегодня хотелось. Мысли не успели сформироваться и уложиться в голове. Поэтому написала она следующее:

«Добрый день, Максим! Ваше письмо застало меня врасплох. У меня действительно был бабушка, Ремизов Иван Михайлович. Обещаю Вам, что попытаюсь найти и посмотреть бумаги, письма и записи, которые сохранились у нас в семье. С уважением Ольга Андреева».

Письмо улетело по обратному адресу. Не успела Оля подумать и перечитать дважды ею отосланное письмо, как прилетел ответ. Похоже, Максим ждал ее письма:

«Спасибо, Ольга! Буду ждать Ваших сообщений. С уважением Максим Ремизов».

«Ну, вот, поленилась съездить в выходные дни навестить наше «мещанское гнездо» (как иногда называет их загородный домик под Москвой мама), а теперь просто необходимо поехать.»

Быстрые сборы. Два кусочка хлеба, остатки кефира, помидор и два огурца провалились в пустой дамский рюкзак. Остальное, при необходимости, найдется на месте. Оля (больше по привычке) проверила уют, свет и форточки. Также, не задумываясь, перекрестилась на образок Семистрельной иконы Божьей Матери, который стоял на полочке в коридоре, и решительно вышла из квартиры.

Глава III. ИВАН МИХАЙЛОВИЧ. НАЧАЛО ИЮЛЯ 1945 ГОДА

Солнце еще высоко висело над деревьями, когда грузовая машина, подрагивая, ехала по узкой дороге, покрытой булыжником, через лес. Худощавый, среднего роста, с седыми висками на черных волосах, солдат, с погонями старшины на гимнастерке опирался руками на кабинку машины. Усталое лицо с яркими голубыми глазами вглядывалось в пробегающие вдоль пути деревни, поля и ветки могучих деревьев, склонявшихся близко к кузову машины. Несколько раз он с радостью замечал то шустрого бельчонка, то перебегающую перед ними лисицу. Эту дорогу открыли еще в 1915 году купцы Залоговины, которые возили по ней сырье для своей фабрики, находившейся тогда еще в мещанской слободе с названием Стариково. Иван мальчишкой бегал встречать важных господ и сановников из Москвы, которые принимали участие в торжествах по случаю открытия этой дороги. Из Стариково лошади тащили по ней возы рулонов шерстяных добротных тканей на склады и в московские магазины. Дорога мало изменилась за тридцать прошедших лет. Все такая же блестящая, она в лучах послеполуденного солнца была похожа на пеструю ленту.

Иван стоял в кузове, подставив лицо ветру. Долгие четыре года он ждал этой минуты возвращения теперь уже в рабочий поселок Стариково, затерявшийся в подмосковных вековых хвойных лесах. Ему сегодня повезло: на железнодорожной станции районного центра, когда, только прыгнув из вагона, он приметил у платформы знакомый фабричный грузовик

«ЗИС-15». Его покупка на фабрике в 1939 году была большим событием. Встречали всем поселком громко и весело, держа в руках изготовленные к этому случаю плакаты. Перевозка готовой продукции до района стала гораздо более удобной. Лошади по-прежнему использовались, но на более коротких расстояниях. Первым фабричным шофером был средний брат Ивана Володя. Он ушел воевать на фронт сразу после объявления войны, оставив дома жену Валю и годовалого сынишку, тоже Володю.

«Эх, Володька...», – Иван присел на солому, прислонившись спиной к кабине рядом с тремя большими канистрами бензина, за которыми они заехали по пути на заправку в районном центре. Дорога длиною в сорок километров с остановками заняла около двух часов, но Иван даже был рад этому. Когда машина проехала мимо барака охотничьего хозяйства, в десяти километрах от поселка, он уже не мог более сидеть. Стоя в кузове, в потоках собственных мыслей, он наслаждался моментом возвращения домой после тяжелейшей войны против фашизма. Это была возможность еще раз заглянуть в уголки своей памяти. Вспоминалось, как еще до революции он два раза в неделю двенадцатилетним мальчишкой возил на родительской лошади (по кличке Добрая) с почтальоном по этой, еще даже не покрытой круглым булыжником дороге, почту. Ее забирали на той же станции «Лосиноостровская» Ярославской железной дороги, куда он сегодня утром приехал. Почтальон, положив письма и газеты в большую кожаную сумку, всю дорогу держал ее в руках как самую большую ценность. В пути делали две остановки в придорожных трактирах. Пили горячий чай и съедали свою еду, захваченную из дома, завернутую в холстину. Сорок километров в одну сторону, а потом в другую – одним днем. Деньги за эти поездки платили небольшие, но в семье дьякона стариковской церкви Михаила Ремизова почти каждый год рождались дети, и на содержание семьи требовались дополнительные средства. Когда первые подросли, то пришлось отдать в церковную собственность дом и, получив за это рубли, отправить старших детей учиться в Москву в гимназии и училища (после окончания местной четырехклассной начальной школы). Иван был первым ребенком в семье. Он успел выучиться в гимназии и даже, по настоянию отца, поступить в 1917 году в духовное училище, чтобы после его окончания получить возможность преподавать в школах. Когда началась революция, то Иван пятнадцатилетним парнишкой отшагал из Москвы до самого дома более шестидесяти километров пешком. Сначала его путь был по рельсам Ярославской железной дороги, а затем по этому булыжнику. Двое суток заняло это его путешествие, практически без еды, так как было очень голодно в то время. Кое-кто, часто по старой памяти, в деревнях подкармливал паренька...

Мысли Ивана не отпускали его из воспоминаний. Вот за лесом появились просветы между деревьев – это поля, а вдаль за молодым прозрачным леском – деревня Аксинино. Именно туда шестнадцатилетним мальчишкой бежал он из Стариково работать секретарем (образованный!) в поселковый совет по рекомендации дальнего родственника. За полями опять лес, но это уже почти дом. Иван поправил гимнастерку. Большой настоящий фибровый чемодан, шинель и «похудевший» за время дороги из Берлина вещевой мешок бережно лежали на соломе в кузове машины.

Наконец грузовик въехал на улицу рабочего поселка. По обе стороны в один ряд стояли такие знакомые невысокие дома в два, три или четыре окна. Женщина у «филипповского» дома, в светлой косынке, прикрыв глаза рукой (Иван ее не признал), всматривалась в машину. Наверное, пыталась угадать, где же она остановится. Вот и дом с зелеными наличниками на четырех больших окнах. Сколько души и сил вложено в его постройку! Грузовик остановился. Иван открыл борт машины и спрыгнул на землю. Открылась кабинка шофера, и молоденький парень с восторженными глазами начал помогать снимать ему вещи из кузова машины. За забором звенел радостный лай собаки. Это именно его, Ивана, встречала гончая Вьюга, купленная им лет шесть назад щенком в городе Клине у знакомых охотников.

– Дядя Иван, ну, как, не просквозило? Зря вот в кабину не сели!

– Ну что ты, тезка!!! Дышится-то как! Дома! – вдохнул он полной грудью.

И вдруг ворота родного дома открылись. Полнеющая невысокая женщина лет сорока, стоя спиной, пыталась вывезти деревянную телегу за оглобли (для скошенного сена, которое сушилось тут же у дома). Она была в темном синем сарафане с белой кофточкой, на голове – что-то похожее на шапочку из белого материала. Волосы убраны в низкий пучок. Это была сестра Катя! Она услышала двигатель машины и обернулась, сощурила глаза и узнала его.

– Вааяня! Брат... – курносое лицо и голубые глаза ее озарились счастьем, и она, бросив телегу, побежала к Ивану.

– Я, Катя, я... добрался вот, наконец! – Иван сдержанно, со счастливой улыбкой, погладил ее по голове, как в детстве, когда надо было попросить прощения.

Парень-шофер отнес чемодан, котомку и шинель до крыльца за воротами.

– Ну, я поехал, дядя Иван! На фабрике ждут! Обещался еще сегодня в Еремьяново съездить на торфоразработки. Торф надо привезти в котельную. Вчера еще накладную выписали.

– Спасибо, Ваня! Доставил с ветерком! Отцу привет передай! К Гореловым, Зайцевым, Ивановым зайди, скажи про меня. Ну, еще кого увидишь, тоже! Пусть заходят... В Еремьяново Василию Ильичу мой низкий поклон! – Иван, отпуская Катю, подал парню руку.

– Обязательно, дядя Иван! Всем скажу! Кого увижу, ВСЕМ!!! – парень быстро уселся в кабинку машины и радостно сдвинул кепку на затылок. Машина шумно отъехала по дороге в сторону центра поселка.

Не торопясь, ощущая безграничную радость в душе и наслаждаясь ею, Иван вошел во двор дома. Он поставил телегу на место у ворот. Во дворе ничего как будто и не поменялось. Под окном у крыльца – деревянная лавка. Только вот мать не спешит навстречу с мягкой улыбкой и слезой в ярко-синих глазах. Нет уже матери – не успел порадовать Иван ее своим приездом... Справа у березы, рядом с погребом, собачья будка. Обрывая веревку, гончая заливисто лаяла и радовалась.

– Дождалась Вьюга... – прерывающимся голосом шептал Иван. Он подошел к ней опустился на колени. Спрятал лицо в шерсти собаки. Вьюга вертелась и лизала его волосы, лицо и даже сапоги.

Подошла Катя и встала рядом.

– Верный старый был, не дождался, а эта с утра нервничает. Думаю: с чего бы это?! Даже в голову не пришло, что это она тебя почувствовала!

Иван поднялся с колен. Обнявшись, они с Катей пошли к крыльцу дома. Катя бережно взяла шинель и котомку Ивана, а он – свой большой чемодан. Вошли в сени, которыми дом был разделен на две половины. Уже в дверях переднего дома Иван остановился и оглянулся через сени в заднюю половину.

– Сергей с Зиной на работе?

– Да. Две недели как вернулся, отдохнул и – на фабрику! Вечером будут. Я сегодня утром – по деревням. В Бурково ходила. В школе у них рассказывала про наше новое училище. В мае открыли ФЗУ: работниц готовить на станки. Скоро со всей страны приезжать будут. Вот раньше дома и оказалась. Только пришла, – ответила Катя.

В переднем доме пахло знакомым запахом чистоты и трав. Иван оглянулся по сторонам, и сердце его в очередной раз сильно заколотилось. Бревенчатые стены, русская печь. За ней – перегородка из досок на две половины. Иван поставил чемодан у двери и, даже не разуваваясь, прошел в правую половину дома. Он встал посередине небольшой комнаты и огляделся. Сколько раз он представлял себе этот момент! Вот он и дома!

Один раз (это было в Польше) прямо рядом с ним вражеский самолет сбросил бомбу. И в те несколько секунд, пока слышался ее падающий свист, он представил себя именно здесь, успев подумать: «Нет!!! Я, Иван Ремезов из Стариково, не должен погибнуть!» Бомба упала и не разорвалась! Иван получил легкую контузию. Тогда часто это случалось, если снаряды

делали наши военнопленные или угнанные люди. Они тоже «ковали» великую победу, как могли, рискуя своими жизнями...

Два окна впереди и два окна справа с вышитыми руками матери занавесками. Белые, с легким светлым орнаментом, они закрывали открытые настежь на улицу окна ровно на их половину. Ничего как будто и не изменилось за эти годы, но все было уже не так... Вот слева у передних окон теперь стоит (раньше здесь находились кровати детей) нарядно убранная кровать матери с подушками и подзором. Она умела и любила рукодельничать. Это умение было одной из составляющих ее приданного, полученного в родительском доме в Москве. Сколько помнил маму Иван, столько она учила шить, вязать и вышивать соседских женщин и девчонок. Большое количество вещей было связано и сшито ею и Катей на продажу в голодные годы. Рядом с кроватью матери – столик с одной единственной семейной фотографией в рамке. На ней вся семья Ремизовых, с уже подростком Колей, в 1930-е годы. Между окон – небольшое зеркало в темной деревянной раме, внизу – скамеечка со швейной машинкой фирмы «Зингер». Он не помнил маму без работы. Она обшивала всю семью от нижнего белья до праздничных рубах и штанов сыновьям и мужу, платьев для себя и Кати. А вот и его, Ивана, кровать, как и прежде, справа от окна. Она железная, узкая и без перины. Доски на кровати покрыты вязанными веселыми половичками, подушка – в наволочке с вышивкой. Иван молча присел на нее. (Катя тихо не мешала ему в его мыслях.) За кроватью – окно во двор с горшком герани. Темного дерева буфет поперек комнаты отделил у бокового окна обеденный семейный деревянный стол с венскими стульями и диваном. Когда-то именно за ним собиралась вся большая семья Ремизовых. Стол по-прежнему накрыт связанной крючком светлой скатертью с бахромой. Над диваном – известная ему картина с изображением пейзажа, нарисованного отцом. Раньше Иван не замечал и не думал, как же она глубока по своему смыслу. А сейчас его как током ударила догадка, о чем именно в ней хотел сказать отец в тяжелых для семьи 20-х годах после Октябрьской революции 1917 года. На ней была изображена разбитая грязная дорога в непогоду. Рядом – убогие дома, а далеко в зелени деревьев на горе (если очень-очень приглядеться, а Иван это просто знал) – выписанный одним волоском кисти очень маленький крест на невидимом шпиле стариковской церкви, где отец служил до революции дьяконом. Это был вид с улицы одной из деревенок рядом с рабочим поселком. В ней семья Ремизовых из девяти человек снимала «заднюю половину», когда пришлось оставить свой дом в слободе, принадлежащий церкви. Позднее, когда Иван, а затем еще двое старших детей пошли работать на фабрику, был построен этот новый дом на четыре окна. Непростые пути-дороги надо пройти, чтобы добраться до своей светлой цели...

У двери, как и прежде, стоял шкаф для вещей. На полу половики, а вокруг чисто и убрано. Время остановилось, хотя в тишине громко тикали часы на стене, как будто и не было у Ивана этих четырех долгих-предолгих лет.

– За три недели мама «сгорела»... Ждала вас всех, даже Колю. Особенно Володю, пропавшего без вести под Смоленском. Тетя Саша тоже быстро... Приехала, два месяца пожила и умерла, – тихо проговорила Катя. – После маминой смерти я осталась в их с папой половине. С мамой мы там были последний ее год жизни, – немного помолчав, добавила она.

– Ну, конечно, Катенька. А я, наверное, тут тогда, в своем углу, на своей кровати, – сказал Иван.

– Ваня! Садись, дай наглядеться на тебя и Расскажи быстрее все! Прямо все-все, с осени сорок первого... – брат с сестрой сели за обеденный стол друг напротив друга.

– Ну, что рассказать, Катя... Как папу нашего забрали «органы» в октябре сорок первого года, так побежал я к нашему Еремееву, в милицию. Папу еще не увезли, и он там был. Мама, когда я уходил, сунула мне свое колечко с камушком-изумрудиком. Догадался я его в дырочку на воротнике куртки своей кожаной сунуть. Пришел в милицию и говорю ему, что никакой спекуляции со стороны отца не было. А бутылка спирта честно лично мною зарабо-

тана на заготовке дров для александровской фабрики еще три года назад! Если вам надо – меня берите, а отца-старика отпустите! У Еремеева глаза злющие! «Смелый, – говорит, – вот оба и сядете со своим отцом, дьячком- спекулянтом. Вас всех, Ремизовых, давить надо, хÓдите, своими прикидываетесь!» Меня в чулан к отцу вытолкнул. А отец наш... такой подавленный. Еще от Колиной похоронки в июле сорок первого не отошел. А тут еще такое унижение: «спекулянтом» назвали! Это его-то, нашего отца! А он всего лишь по доброте душевной угостил кашляющего Семена Лазарева рюмкой спирта, а тот на радостях, видно, похвастал кому-то. А кому надо – додумали! На следующее утро нас с отцом отвезли в район, потом дальше... Что тут рассказывать Катя... Бланду без хлеба раз в день и кашу из своих шапок ели. И какой народ там только не сидел... А немец прёт без остановки, уже к Москве подошел. У кого статья была полегче, как у меня, стали проситься на фронт. Отец наш кашлять начал. Вижу: серьезно у него это, ослаб совсем... На фронт из тюрем стали отправлять, и меня тоже в штрафники направили. Достал я тогда кольцо из воротника и сунул одному там... и за отца попросил. Ну, его и отпустили на поселение к бабке какой-то. Сам вынес его оттуда к ней. Выдали мне паек, подорожную, и назначили явку на другой день. Продал я свою куртку кожаную там же на рынке, денег взял. Оставил этой бабке их и половину пайка. Обещала ухаживать..., но отец, думаю, недолго продержался. Плохой он совсем был. Писал я туда с фронта, но все бесполезно! А дальше ты знаешь! Сразу под Сталинград! Обвинение после первых боев сняли. В партии восстановили. Предлагали офицерское звание, но мне лучше старшиной и потом к вам домой. Коротко так, Катя. Этого ведь всего не напишешь в письмах! Сама понимаешь!

– Еремеев всю войну в тылу просидел. Мимо идет: в глаза не смотрит. Я тоже пыталась писать по разным инстанциям, узнать что-то об отце. Все мои письма напрасными оказались, – проговорила Катя, вытирая слезы.

Иван встал и начал ходить по дому, трогая руками вещи. Прошел на половину Кати. Там – ее узенькая железная кровать с вышитой накидкой на двух подушках, этажерка с книгами между окон. Вверху она повесила две большие свадебные фотографии (в темных красивых рамках) молодых еще родителей, взгляды которых были обращены друг на друга.

Эти портреты после революции подальше от глаз лежали, завернутые в мешковину, в шкафу. Фотографии отца и матери были сделаны после венчания в Москве. Состоялось это в 1901 году. Отец с усами и со строгим лицом на своем портрете смотрит прямо, но его лицо обращено к супруге. Он одет был в черный костюм с белой рубашкой и светлым шелковым галстуком. Мама на своем портрете изображена в профиль, с уложенными в прическу светлыми вьющимися волосами, в темном (из-за траура по своей матери) красивом платье.

Справа у стенки в комнате расположился комод с зеркалом. На нем Катя поставила довоенные снимки шести своих братьев. Два погибли, два уехали в другие города, Сергей (с женой) и Иван – это все, кто остался в этом доме.

На столе у бокового окна стояла глиняная миска с неоконченным вязанием и клубками шерсти. В детстве и юности у мальчишек семьи любимым озорством было развешивать по дому гирляндами повыше окон связанные Катей носочки, рукавицы и шапочки. Иван улыбнулся, вспоминая это, и огляделся по сторонам. В углу у двери – керосинка, деревянная лавка. На лавке – два ведра с водой. Под лавкой – большой чугунок, в котором варили еду в печи для скотины. На полке сверху – три чугунных утюга разных размеров, глиняные горшки и чугунки поменьше. Везде тщательно убрано, и образцовый порядок. Иван наклонился к своей котомке и поставил ее на лавку. От длинной дороги остались еще продукты. Он выложил из рюкзака мясные консервы на стол рядом с керосинкой. Катя все еще сидела за обеденным столом и смотрела в окно влажными глазами. Иван поднял и положил чемодан на диван. Блестящие замочки шелкнули, и он его открыл.

– Выбирай, сестренка, что нравится! У меня тут новые вещи, отрезки шелка, шерсти. В Берлине много разбитых магазинов было. Вот воспользовался, набрал подарков всем, – он обернулся к Кате.

– Богатство, Ваня! – Катя встала и подошла к чемодану. Коснулась рукой сиреневого отрезка шелка. Иван достал и подал ей кусок ткани.

– А Зине какой?

– Думаю, этот ей подойдет, – Катя указала на отрез другого цвета. Потом она стала рассматривать другие вещи в чемодане.

– А плащ и эта одежда – не нашего размера, – заметила она.

– Потом поговорим, Катя. Мне есть, что рассказать тебе.

– Посмотри, может, еще что-то понравилось, сестренка? – после паузы продолжил он. Катя отмахнулась рукой.

– Потом посмотрю как-нибудь! Пойду, картошки начищу, не всю съели прошлогодною, и надо стол собирать! К вечеру народ придет! Молока хочешь? Хлеб есть! – Катя захлопотала у печи.

Во дворе залаяла собака. В окно Иван увидел, что в калитку вошли трое мужчин. Он расправил гимнастерку и пошел к ним навстречу.

– Ну, здравствуй, Иван Михайлович! С возвращением!!! – мужчины обнялись и молча стояли, не находя слов.

Глава IV. СТАРАЯ ТУМБОЧКА В ДЕТСКОЙ КОМНАТЕ

На улице стояло все то же раннее лето. Москва была не жаркой и пасмурной. Дети еще не вышли на детские площадки, и только парочка пенсионерок у подъезда заняла свои позиции на лавочке, да спортсмен после пробежки качал пресс на тренажере спортивной площадки. До автовокзала Оле можно было дойти пешком за десять-пятнадцать минут. Беленькие кеды удобно шагали по тротуару, рюкзак был легким, а голова удивительно свободна от всего. Ехать в Стариково – всегда праздник и путешествие в беззаботное детство. Найти время тяжело, а ехать всегда приятно!

Перроны автобусов располагались под длинной эстакадой моста. Олин был под номером три. Уже выстроилась очередь из пассажиров человек в десять. «Значит ждать долго не придется», – предположила Оля, и была права. Плавно подошел автобус-экспресс, и водитель открыл дверь в салон. Приложив карточку, к валидатору, чтобы оплатить проезд, она с удовлетворением заметила, что можно сесть одной, да еще и на любимое место. Путь был размером в полтора часа неспешной поездки автобуса с остановками «по требованию» в городках и поселках. Пенсионеры, которые имеют больше возможностей путешествовать в рабочие дни, пользуются льготным бесплатным автобусом. Поэтому Оля доехала с двумя остановками прямо до своего места назначения быстро, и всего за час и десять минут. Выйдя из автобуса, она вдохнула сладкий воздух сельского края. Пути было два. Перейдя дорогу, можно свернуть в переулок и пройти по своей улице сразу. В плохую погоду лучше прогуляться по асфальтированному тротуару вдоль шоссе и свернуть уже дальше (у старого дома Ремизовых), через метров триста и прямо к дому, стоящему на второй линии. Оля решила пройти по своей улице и посмотреть, что зацвело в садах и на клумбах у соседских домов. Солнце в Стариково было не за тучами, а светило сквозь редкие легкие облака. Бросив взгляд на «гнилой угол» за далеким лесом, где зарождались все дожди этой местности, Оля с удовлетворением увидела высокое голубое небо! Значит, дождя сегодня можно не ждать. Всюду цвела сирень, а на углу ее дома белым ковром лежали лепестки облетевшей черемухи. Шелестели ветки огромной старой березы у ворот. Воздух был свеж и напоен ароматами цветущих растений и деревьев. Оля достала ключ от калитки и шагнула в свой любимый сад. Не заходя домой, обошла вокруг, отмечая большое количество цветущих многолетников: примул, анемон, всевозможных колокольчиков. Трава, подстриженная три недели назад, подняла многочисленные головки одуванчиков. Раскидистые

хосты прикрыли не прополотые весной клумбы. Грядка бабушкиных пионов дружно зеленела резной зеленью. Было очень даже уютно и празднично. В доме слегка пахло сыростью, так как отопление было уже отключено. Пройдя по первому этажу, она открыла все форточки, пуская в дом теплый июньский воздух. Двери в сад открывать не стала, боясь любопытных соседских кошек: неизвестно, насколько здесь придется задержаться, может, всего часа на три. Выложив в холодильник свои нехитрые припасы, Оля отметила, что «неприкосновенный запас» в полном комплекте и плюс к нему пачка молока, пельмени и сливочное масло в морозилке, два яйца и вакуумная упаковка с сыром.

«Даже если останусь на пару дней, то в магазин идти не придется», – подумала она.

Горшки с маминими фикусами стояли в тазах, чтобы не засохнуть за недели отсутствия хозяев. Они давно просили пить. Вылив им по леечке воды и пообещав напоить основательно позднее, она пошла дальше в свой обход. Выйдя в коридор, Оля стала подниматься по скрипучей деревянной лестнице на мансарду в свою комнату. Проходя мимо фотографий, развешенных на стене вдоль лестницы, она задержалась около снимка бабушки и дедушки. Они стояли, обнявшись в ветвях цветущей яблони, и счастливо улыбались. Тонкое благородное лицо дедушки Ивана и открытое большезглазое лицо бабушки Али излучали такую любовь и радость, которую можно было отнести и к себе, своему присутствию здесь и сейчас.

В мансарде было немного душно (из-за легкого запаха пыли). Оля не убиралась здесь с празднования Нового года, и легкий укол совести пробежал секундой в ее сознании. Открыла свою комнату и обвела глазами по сторонам. Как всегда, картины с лошадьми, раскрашенные нужными цветами по номерам, на школьных каникулах, слегка сдвинулись в бок. Вышитая девочка, танцующая под скрипочку мальчика, тоже наклонилась в сторону. Ничего не изменилось! Ее комната жила своей жизнью в ее отсутствие. Москитный тюль, укрывающий ее кровать, придавал комнате уютный старинный вид, как и картины маслом. Эти картины подарил Оле дедушка ее школьной подруги. Когда он закончил свою трудовую деятельность на заводе и оформил пенсию, то занялся копированием известных полотен. У Оли висел портрет «Саскии в образе Флоры» великого Рембрандта, картина с девочкой в лучах летнего солнца, похожей на саму Олю (неизвестного советского автора), и полотна с цветами! Любимый уголок, куда возвращаются мысли из путешествий и душного города. За невысоким книжным шкафом, который Оля собственноручно выкрасила в голубой цвет, стояла старенькая, покрытая лаком тумбочка, с вырезанными листочками и неглубоким рисунком. Именно в ней предположительно хранилась часть бумаг семьи ее дедушки, Ивана Михайловича. Эта тумбочка была из старого дома его родителей, и было ей более ста лет. Оля нечасто в нее заглядывала, только за старым деревянным этюдником мамы, если вдруг хотелось порисовать на природе.

«Если повезет, то не надо будет смотреть в других местах или на чердаке», – подумала Оля. С легким волнением, чувствуя себя детективом, она направилась к этой тумбочке и присела на корточки. Пыль тоненьким слоем лежала на ее выщербленной дверце и латунной «вертушке».

Тумбочка открылась легко, как будто ждала ее. Полок было всего две. Внизу лежали толстые «амбарные» тетради, старая-престарая книга по пчеловодству, перевязанные бумажным шпагатом записи. Когда-то Оля заглядывала в них. Это были схемы и описания технологий производства фабрики, начерченные и записанные рукой Ивана Михайловича. На верхней полке находились пачки писем, связанные в стопки. Раньше они особенно не привлекали ее внимания. Теперь она достала все и выложила на пол. Первыми она взяла в руки пачки конвертов, исписанные круглым красивым почерком с завитушками. Несмотря на ровные аккуратные ряды букв, читать даже адрес было непросто. Все они были адресованы бабушке Алевтине Георгиевне. Обратный адрес указывал, что пришли они из союзной республики бывшего СССР – Белоруссии от Ивановской А.Г. Оля прекрасно знала историю семьи и то, что местом рождения бабушки был поселок железнодорожников под современным городом Бобруйском

в Беларуси. Писала ее родная сестра Аня, которая жила там с родителями. Подержав в руках письма и ощутив их пахнущую пылью невесомость, она с сожалением отложила их в сторону.

«Прочитаю, но тогда, когда решу первоочередную задачу», – пообещала она себе. Уклоняться в сторону от намеченного пути было не в ее правилах.

«Собранность и организованность – это залог успеха», – учила своих девчонок мама.

«Не знаю, насколько ей это удалось со мной, но мне хотелось бы верить, что это именно так», – вспомнила вдруг мамины слова Оля.

Вторая пачка писем, состоящих из треугольничков, была военными весточками дедушки сестре Екатерине Михайловне и его матери. В основном они были написаны карандашом. Письма были такими ветхими и прошедшими через многие и многие руки... Непроизвольно Оля приложила эту пачку к щеке: письма были теплыми! Она бережно отложила и их в сторону. Она уже читала их когда-то...

Осталось три пачки: одна огромная, вторая большая и совсем тоненькая. Огромную пачку Оля идентифицировала сразу: письма отца к маме во времена его службы в рядах армии. Большая пачка имела в обратном адресе фамилию и имя: Ремизов Александр (это брат мамы). Адресованы письма были дедушке. А вот третья очень тоненькая пачка была без адресата, с верхним письмом на кусочке листа из тетради, сложенном вчетверо, и без конверта. Оля почему-то впервые обратила внимание на нее. Она вынула из-под веревочки это письмо без конверта и открыла его. Написано оно было корявым, почти детским, почерком, и было совершенно безграмотным:

«Тов Ремизов

Сообщаю вам что Артемьева Лидия окоторой вы справляетесь она жива здорова письма получает и тогже перевод получению Лично я сней хороши знакомая она очень затрудняца вам все описать свой нарушимой ошибки и решила я вам сообщить чтобы вы вбудущей своей жизни искали сибе жизнь или тоисть подругу жизни. Лидия вышла замуж конечно состороны ваших обоих сторон большое горе. Она не могла осмелица опесать а вам чежело переносить эту судьбу ну ничего. Бывает в жизни огорчение. Судьба Игроить человека она изменчива всегда. Вот что я вам могла сообщить по прозьбе Л. Вы конечно миня не знаите я почтовой работник. Роботаю кассир вастреввание. Ксему к вам незнакомая. Маруся.»

31/X-1946».

Это были, безусловно, письма, которые Оля искала. Из письма Максима было очевидно, что Лидия, хотя и не носила фамилию дедушки, но, возможно, состояла с ним в браке (ее сын – Владимир Иванович и внук Максим были Ремизовы). Возможно, эта Маруся писала по просьбе Лидии. В этом случае Оля предположила, что Лидия решила дедушку оставить и вышла замуж за другого мужчину... Или Маруся написала все по своей собственной инициативе, не желая, чтобы Лидия и дальше получала «письмы тогже перевод». Оля встала с колен, взяла письма и решила пойти вниз.

«Очень хорошо, что не надо ничего долго искать! Секрет сам пришел в руки без особых усилий!» – подумала она.

Тайны требовали особой обстановки! Надо было собраться с духом, перекусить и посмотреть сад. Душа потребовала на некоторое время переключиться!

Глава V. ЗАБЫТЫЕ ПИСЬМА

Часа два спустя, после обследования восьми соток приусадебного участка и чашки чая с печеньем, Оля заглянула под балкон дома. Там находилась увитая диким «девичьим» виноградом веранда. Могучие ветви полностью скрыли свет внутри небольшого пространства. От входа остался узкий лаз, приподнимая ветви которого, она и проникла в любимое место. Сегодня здесь сидеть не хотелось: слишком темно.

«Надо бы обрезать этого исполина..., но не сейчас. Возьму отсюда стол и сяду под яблонами.»

Яблони в саду были очень старые. Посажены они были еще бабушкой Иваном Михайловичем сразу после постройки этого нового дома для своей семьи. В ветвях кружились пчелы среди бутонов и молодой листвы. Аромат сада располагал к неспешному легкому отдыху. Вытащив стол и стул из террасы, Оля положила перед собой стопочку писем. Веревочка развязалась сразу, и под письмом неизвестной Маруси оказались пожелтевшие тетрадные листочки, испитые мелким понятным почерком человека, который пишет левой рукой. Почти все письма лежали, разложенные по датам, и последние в стопочке датировались январем 1947 года. За ними в пачке лежали квитанции, несколько писем других людей и еще сложенные пожелтевшие листы с записями. Два последних письма, которые завершали переписку и лежали в самом низу под бумагами, были от 1952 и 1953 годов. Оле очень хотелось начать с конца, не терпелось сразу раскрыть секрет неизвестного Максима. Пересиливая себя, она начала читать письма по порядку, начиная с самых ранних дат. Первое письмо написано было в последние месяцы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, и содержало фактически признание Лидии в чувствах к Ивану Михайловичу. Было ясно, что до этого они состояли в переписке. Возможно, знакомство их было давнее, и со всей семьей Лидии.

«06 марта 1945 г., г. Ташкент

Дорогой Иван Михайлович!

Конечно, извините меня, но мне так хочется назвать Вас дорогим. Пишу в последние минуты перед отъездом.

Скрытна я с Вами, Иван Михайлович, а иначе и не должно быть. Но больше не могу молчать, таить в себе, не могу не поделиться с Вами, какое большое впечатление произвело на меня Ваше письмо и открытка, которую мы получили сегодня.

Как взволновано мое сердце!

Что случилось со мной?! Трудно мне понять себя. Но чувствую, что это в моей жизни впервые...

Редко пишу Вам, Иван Михайлович, но это не значит, что я не думаю о Вас. Думаю о Вас ежедневно, даже слишком много! Поверьте, это так в действительности. Знаю, нельзя быть такой откровенной. Ручка пишет с трудом, но сердце (но нехорошее сердце) заставило меня.

Радуемся блестящим победам наших бесстрашных воинов и одновременно с радостью: грусть, беспокойство за Вас...

Желаю наилучших успехов, здоровья, бодрости и сил!

С приветом Лидия.

P.S. Ведь тысячу раз буду жалеть о написанном, и все-таки посылаю.»

Все ждали окончания этой страшной войны. Наши воины с боями идут к Берлину. Сотни советских девушек писали письма на фронт, поддерживая дух солдат.

«Вот у одной из таких девушек появились чувства, на которые она намекает в этом письме», – подумала Оля.

Сразу захотелось узнать об этой Лидии больше. Кто она и как они оказались знакомы с Иваном Михайловичем? Где спрятались корни этой старой истории? Это ведь сейчас Москву и столицу Узбекистана Ташкент разделяют всего несколько часов путешествия на самолете. В военные годы и поезда ходили нечасто. Рука потянулась ко второму письму, и оно было очень большим. Удивило письмо сразу при первом взгляде на него: оно было уже из города Мары в Туркмении. Судя по датам, ответа с фронта на свое признание Лидия еще получить не должна была..

«19-го марта, г. Мары

Здравствуйте, Иван Михайлович!

Не думала, что придется писать Вам из солнечной Туркмении, действительно солнечной. Ташкент до последнего дня нашего отъезда был покрыт белым покрывалом снега. Здесь же в те дни стояла ясная солнечная погода – резкая разница в климатическом отношении в сравнении

с климатом Узбекистана. Здесь в полном смысле весна! Ночью прошел сильный дождь. Воздух чист, поло свежести, дышится легко, пропитан запахами распутившейся молодой листвы и нежным ароматом цветущих фруктовых деревьев. Но это ненадолго... Опять подуют сильные ветры с пылью и песком, что свойственно для Туркмении.

Не веселят и не радуют меня весенние дни, как прежде... Да, откровенно, чему и радоваться мне?! В моей серой жизни нет ничего интересного.

Вот я и дома. Безгранично рада видеть сестру, соскучилась порядком. На днях была у нее на родительском собрании. Характеристикой я осталась довольна. Отличница не только по учебе, но и отличница по общественной работе. К тому же она у нас художница. Шесть школьных стенгазет оформлены рукой Жени. По конкурсу в городе Мары картина Жени заняла первое место. Занятия в школе поставлены строго, в особенности за последние 2 года. Приходится много заниматься, всегда видишь Женю за книгой, сочтена каждая минута, даже нет времени на ее любимое занятие – рисование. Помню, когда я училась в десятилетке, требования были значительно слабее. С 22 марта в школах должны быть десятидневные каникулы; наша гимназистка намечает сделать за эти дни многое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.